

К ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ Ф. В. ГЛАДКОВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ 20-х ГОДОВ

Д. ЧЕПЕЛИТЕ

Переехав в Москву осенью 1921 года, Гладков не сразу устроился так, чтоб целиком посвятить себя литературному делу¹. Только с 1923 года он становится писателем-профессионалом, а с 1925 г., т. е. с появления «Цемент», о нем начинают говорить и писать как об одном из ведущих писателей эпохи.

Примерно с этого времени Гладков включается в сложную литературную жизнь. Он становится членом, а вскоре и одним из руководителей «Кузницы», старейшей организации пролетарских писателей. Сейчас трудно сказать, что побудило Гладкова вступить именно в «Кузницу», в которой он пробыл почти до конца ее существования. Возможно, немаловажную роль здесь сыграло знакомство Гладкова с некоторыми «кузнецами», часто бывавшими на квартире Серафимовича и принимавшими участие в кооперативном журнале «Новый мир», который вышел под общей редакцией Серафимовича, а редактировался В. Бахметьевым, впоследствии председателем «Кузницы», одним из самых близких друзей Гладкова. Вдова Гладкова Татьяна Ниловна вступление Федора Васильевича именно в эту группу как раз и объясняла его дружбой с Бахметьевым.

В работах, где в той или иной мере затрагивается вопрос о взаимоотношениях Гладкова и «Кузницы», замечен разноречивый при датировании вступления писателя в эту организацию. Называются 1921, 1923, 1924 и даже 1925 годы. Повод для этого дают и автобиографические заметки самого писателя. Если учесть, что большая часть их относится к 50-ым годам, то встречающиеся в них неточности подобного рода легко объяснить.

Обнаруженные архивные документы, а также ознакомление с соответствующими газетными и журнальными материалами первой половины 20-х годов позволяют внести некоторые уточнения в этот вопрос.

¹ См. об этом в кн. Ю. Пухова «Советский роман и рабочий класс». 1964, стр. 9; ИМЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 12, л. 6.

Так, из протокола заседания правления издательства «Кузница» и членов групп «Кузница» и «Твори» явствует, что на заседании в марте 1923 г. присутствовал и Гладков. Более того, он вместе с Ляшко и Бахметьевым был избран в редколлегию альманаха и сборника «Труд и борьба»². В том же 1923 году в издательстве «Кузница» вышел сборник рассказов Гладкова «Пучина». Фамилия Гладкова среди других 28 «кузнецов» встречается под несколькими документами группы, опубликованными «Кузницей» в конце 1923 г.³

Следовательно Гладков в это время уже считался полноправным членом «Кузницы», в которую он вступил, вероятнее всего, весной 1923 года, после чего и был избран в правление и редакцию альманаха.

Предположение это подтверждает и С. Евгенов, долгие годы близко знавший Гладкова. В своих воспоминаниях он указывает, что был зачислен в кандидаты «Кузницы» в сентябре 1923 года и что «Ф. В. Гладков вступил в «Кузницу» на год раньше»⁴ его.

С 1924 года фамилия Гладкова уже постоянно фигурирует в документах «Кузницы», т. к. с апреля этого года он стал членом правления, о чем узнаем из раздела «Хроника» 2-го номера «Рабочего журнала» за 1924 г., где сообщалось, что «...на собрании группы 17 апреля было переизбрано правление. В новый состав избраны: Вл. Бахметьев, И. Волков, Ф. Гладков, Н. Ляшко, С. Обрадович, Г. Санников и Г. Якубовский, кандидаты: А. Новиков-Прибой и Дмитриев»⁵.

С этой поры вплоть до вступления в РАПП в 1931 г. Гладков постоянно избирается в руководящие органы «Кузницы», в редколлегию журналов группы, время от времени выступает с докладами на заседаниях, со статьями, принимает участие в разработке программных документов группы и т. п.

Уже одно это говорит о том, что вопрос о связи Гладкова с «Кузницей» имеет принципиальное значение для выяснения позиции писателя в литературной жизни 20-х годов.

Между тем в работах, посвященных творческому пути писателя, о связи Гладкова с «Кузницей» или совсем не говорится (книги Брайниной, Уханова), или лишь упоминается как бы мимоходом, или эта связь толкуется предвзято. Чаще всего это выражается в стремлении игнорировать более или менее тесный контакт Гладкова с «Кузницей», рассматривать его творческие достижения как результат отталкивания от практики и теоретических установок группы.

² ЦГАЛИ, ф. 1638, ед. хр. 125, л. 14.

³ По организациям и кружкам. «Кузница», «Известия», 15 ноября 1923 г.; Письмо в редакцию.— «Правда», 27 ноября 1923 г.

⁴ Ф. Г л а д к о в. Воспоминания современников. М., 1965, стр. 125.

⁵ «Рабочий журнал», 1924 г., № 2, стр. 156.

Так, В. Стахов в статье «Творческая история романа Ф. Gladкова «Цемент» категорически требует «со всей определенностью провести грань между творческой позицией автора «Цемент» и эстетической платформой и практикой «Кузницы». Уточняя свою мысль, критик продолжает: «...многие писатели, состоящие в «Кузнице», пошли в своем творчестве по иным, здоровым путям, противостоящим творческим догмам «Кузницы». Так было с В. Бахметьевым, Ф. Gladковым, Н. Ляшко, А. Новиковым-Прибоем»⁶.

Точно так же вопрос о связи отдельных писателей-прозаиков с «Кузницей» трактуется В. Ивановым⁷, Л. Васильевым⁸.

Эта точка зрения восходит к тому времени, когда такие литературные объединения 1917—1932 годов, как Пролеткульт, «Серапионовы братья», Леф, РАПП, «Кузницу», принято было оценивать только с негативной стороны, когда к ним подходили «слишком односторонне», «тщательно регистрировали только отрицательные моменты, обходя положительные»⁹.

Что касается трактовки связи Ф. В. Gladкова и других маститых «кузнецов»-прозаиков с «Кузницей», то здесь, с нашей точки зрения, не учитываются два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, не принимается во внимание тот факт, что и Gladков, и Ляшко, и Бахметьев, которые чаще всего упоминаются в этой связи, были членами «Кузницы» не год и не два. Кроме того, они не просто числились в списках ее действительных членов, но, как было сказано выше, на протяжении длительного времени состояли в руководящих ее органах (в правлении, в редколлегии журнала), следовательно, в той или иной степени направляли ее работу, определяли характер ее идейно-теоретического лица. В этом убеждают имеющиеся печатные и архивные материалы, относящиеся к 20-м годам. Уже указывалось, что Gladков в начале 1924 года был избран в правление «Кузницы», как один из ее членов, он подписывал декларации, как представитель «Кузницы» выступал на всевозможных конференциях и совещаниях¹⁰, а в 1929—1930 гг. «активно работал над ее художественной платформой»¹¹.

⁶ «Русская литература». 1959, № 1, стр. 163—164.

⁷ В. Иванов. Формирование идейного единства советской литературы. 1917—1932 гг., М., 1960, стр. 157, 163.

⁸ Л. Васильев. Новиков-Прибой. Саранск, 1960, стр. 45.

⁹ А. Метченко. Историзм и догма.—«Новый мир», 1956, № 12, стр. 229—230.

¹⁰ Иногда все это упускается из виду, активная роль Gladкова в «Кузнице» сводится к его руководству «Вагранкой» и работе над новыми творческими декларациями группы (М. Пахомова. Автобиографические повести Ф. В. Gladкова и традиции М. Горького. М.—Л., 1966, стр. 50).

¹¹ «Пролетарский авангард», 1930, № 11, стр. 113.

Вторая ошибка, которая допускается при анализе связи Гладкова с «Кузницей» — недооценка того, что эта группа просуществовала более 10 лет и за этот период сильно изменился не только ее состав, но почти полностью обновились и руководящие органы, что повлекло за собой изменение ее платформы и художественной практики.

Авторы исследований, в той или иной связи касающиеся вопроса о «Кузнице», обычно ссылаются на ее декларации начала 20-ых годов, не затрагивая соответствующих документов группы 1925—1931 годов, составленных и подписанных большей частью людьми, не имевшими никакого отношения к декларациям первых лет существования группы, а также никогда не страдавшими увлеченностью космизмом, планетарностью. Критики еще в 20-е годы отмечали, что прозаики «Кузницы» всегда были реалистами, следовательно им, в отличие от поэтов, и не нужно было «преодолевать» ни абстрактность, ни космизм.

Понятна поэтому реакция Гладкова на подобную трактовку истории «Кузницы». Писатель не соглашался с теми литературоведами, которые склонны были рассматривать «Кузницу» «как некий монолит, как какой-то одноликий коллектив, неизменный по составу и упрямо шагавший в одном и том же направлении, под одними и теми же «декларациями» в течение более десяти лет». Он указывал, что «в истории «Кузницы» были разные периоды, связанные с именами и делами самых разных людей»¹².

Период, когда во главе «Кузницы» стояли поэты-романтики, сменился другим, связанным с именами Г. Якубовского, Бахметьева, Гладкова, Серафимовича. «Это был уже другой период,— замечал Гладков,— ничего общего с «космизмом» не имевший»¹³.

Если обратиться к документам этого периода, то убедимся в правильности слов Гладкова. Так, в 1924 году в докладе о «Кузнице» один из старейших ее членов Г. Санников, выделив в истории «Кузницы» три периода, отметил, что группа вступила в новый период, который ознаменовался, во-первых, выходом «на путь здорового реализма» не только прозы, но и поэзии и, во-вторых, попытками «теоретической разработки проблем материалистического искусства»¹⁴.

Важно подчеркнуть, что новый этап в истории «Кузницы» Санников связывает с началом 1924 года, когда во главе группы встали Вл. Бахметьев, М. Волков, Ф. Гладков, Н. Ляшко, Г. Якубовский, С. Обрадович и Г. Санников. Из них только двое: Ляшко и Обрадович — могут быть причислены к теоретикам «Кузницы» первого периода, так как им принадлежит ряд статей программного характера. Но при этом важно

¹² Ф. Гладков. Воспоминания современников. М., 1965, стр. 144.

¹³ Там же, стр. 145.

¹⁴ «Рабочий журнал», 1924, № 3—4, стр. 237.

помнить, что Ляшко — автор «Доменной печи», произведения значительного для середины 20-х годов, далеко не укладывающегося в рамки теоретических догм «Кузницы» начала её существования.

Если в последние годы появился целый ряд работ, по-новому освещающих «Кузницу» периода военного коммунизма и введения нэпа, то этого нельзя сказать о «Кузнице» следующего этапа.

Л. М. Фарбер в своей книге о литературе первых лет революции разговор о «Кузнице» заканчивает выводом, что с эпохой военного коммунизма кончилась и «Кузница». «Хотя «Кузница» фактически существовала еще несколько лет,— утверждает автор,— но это было только формальное существование»¹⁵.

Фарбер несомненно прав, доказывая обусловленность поэзии «Кузницы» особенностями эпохи, вызвавшей ее к жизни, давшей ей неповторимую окраску, но его заключение о гибели «Кузницы» кажется малоубедительным. Введение нэпа действительно больно коснулось объединения, повергло часть его поэтов в уныние, посеяло среди них растерянность, что привело в конечном итоге к гибели романтической поэзии, к перестановке сил внутри группы. Хотя ее поэты со временем и сумели переосмыслить свое отношение к нэпу, выступили с реалистическими вещами, но они уже не смогли подняться на ту высоту, которой достигли в первые годы революции.

Поздняя «Кузница», состоявшая в основном из прозаиков, не создала своей школы, подобной той, какую представляли ее поэты, но на этом основании вряд ли можно отрицать сам факт существования группы. Ведь никто не говорит о школе РАПП, «Серapiоновых братьев», но тем не менее никто не сомневается в факте их существования как определенных литературных объединений. Творчество членов «Кузницы» периода пребывания в ней Гладкова шло в общем русле всей советской литературы, но как в спорах о путях ее развития, так и по целому ряду других вопросов литературной жизни второй половины 20-х годов она занимала позицию, во многом отличную от позиций РАПП или Лефа.

«Кузница», как это было свойственно и всем группировкам, претендовавшим на роль единственного пророка в решении важнейших вопросов литературной жизни, порой делала неправильные выводы, в пылу полемики впадала в крайности. Но истина рождалась в спорах, поисках, даже заблуждениях, слагалась из крупиц рациональных зерен, которые можно обнаружить в выступлениях всех споривших сторон.

¹⁵ Л. М. Фарбер. Советская литература первых лет революции. 1917—1920 гг., М., 1966, стр. 104.

В большинстве выступлений 30-х годов, да и более позднего времени «Кузница» квалифицировалась не иначе как «реакционное», «мелкобуржуазное», «непролетарское», «правое» крыло литературы. Так, в одной статье 1937 г. она была названа «меньшевиствующей литературной группой, чуждой пролетарской культуре»¹⁶.

Подобные аттестации обычно исходили от РАПП. Однако известно, что такие характеристики раздавались ею, действовавшей методом «дубинки и оглобли», налево и направо, без учета фактического положения вещей.

Так, М. Фурманов, один из руководителей МАПП, 22 апреля 1925 года записал в своем дневнике: «нет таких резких противоречий у нас с «Кузницей», на 50% это пуф. Кузнецов можно и **должно** ассимилировать в своей среде, даже и таких как Ляшко, да...»¹⁷.

Не соглашался с чрезмерно резкой характеристикой «Кузницы» и вдумчивый организатор сил молодой советской литературы Серафимович, поддерживавший тесный контакт с этой группой. Серафимович, как явствует из архивных документов и других материалов, одно время входил в эту группу. 26 января 1925 года на заседании правления группы было решено зачислить А. С. Серафимовича в действительные члены «Кузницы»¹⁸. В одном из списков, помещенном 24 марта 1927 года, среди 38 действительных членов группы находим и фамилию Серафимовича¹⁹. В письмах Гладкову от 30 сентября и 9 ноября 1925 года чувствуется искренняя озабоченность писателя делами в «Кузнице»²⁰.

Об участии А. С. Серафимовича в работе «Кузницы» говорит в своих воспоминаниях о Гладкове и С. Евгенов²¹. Указание С. Евгенова, что Серафимович «не оставался в стороне от литературных споров и выступал в те времена на стороне «Кузницы», подтверждает выступление последнего на Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей в январе 1925 года. Касаясь взаимоотношений ВАПП и МАПП с другими писательскими объединениями, Серафимович говорил: «Товарищи подходили к ним (т. е. к «Кузнице» и «Перевалу» — Д. Ч.) с необыкновенной, я бы сказал, жестокостью: они — и в зубы, и куда масс поало. Говорили им — вы, мол, мелкобуржуазные, вы оторвались от масс и т. д. Из этого, конечно, что выходило: все становились на дыбы. Дело в том, что эти кружки ничуть не отличались от товарищей

¹⁶ «Литературный критик», 1937, № 8, стр. 93.

¹⁷ «Вопросы литературы», 1957, № 5, стр. 202.

¹⁸ ИМЛИ, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 2, л. 2.

¹⁹ ИМЛИ, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 5.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 4, ед. хр. 451, л. 2, 3.

²¹ Ф. Гладков. Воспоминания современников, стр. 126, 145.

из МАППа и ВАППа — точно так же там была пролетарская масса, также они той же линии держались»²².

И Фурманов, и Серафимович имели в виду «Кузницу» середины 20-х годов, то есть периода острых споров с напостовцами, прихода в нее Бахметьева, Якубовского, Гладкова.

Заметки, ответы на разного рода анкеты, статьи, выступления на конференциях, пленумах писательских организаций, письма, заявления Гладкова, как и многие документы «Кузницы», подписанные им, воспоминания его соратников дают возможность составить представление о литературно-эстетической позиции Гладкова, позволяют определить его место в сложной и во многом противоречивой литературной жизни периода начала строительства социализма, свидетельствуют о том, что, несмотря на имевшую место некоторую неудовлетворенность писателя «Кузницей», в понимании актуальнейших проблем литературной жизни середины и второй половины 20-х годов у Гладкова больше точек соприкосновения с «Кузницей», чем отталкивания.

Для большинства выступлений Гладкова 20-х годов, как и последующих десятилетий, характерно то, что в своих суждениях он исходит из интересов всей советской литературы, руководствуется теми принципами, которые были сформулированы в партийных документах 1924—1925 годов по вопросам литературы.

Наиболее активно включившись в литературную жизнь в середине 20-х годов уже как член «Кузницы» и автор широко прозвучавшего «Цемент», Гладков, наряду с Фурмановым, Серафимовичем, Фадеевым и другими писателями-коммунистами, поддерживает лозунг «за гегемонию пролетарской литературы», в котором нашла свое выражение вековая тяга трудового народа к знаниям, ленинское учение о пролетарской культуре как части «задач пролетарской диктатуры»²³. В резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» говорилось: «Руководство в области литературы принадлежит рабочему классу в целом, со всеми его материальными и идеологическими ресурсами. Гегемонии пролетарских писателей еще нет, и партия должна помочь этим писателям заработать себе историческое право на эту гегемонию». Дальше рекомендовалось больше внимания уделять творчеству, «перенести центр тяжести своей работы в литературную продукцию в собственном смысле слова, используя при этом гигантский материал современности»²⁴.

²² ЦГАЛИ, ф. 1698, оп. 1, ед. хр. 921, л. 18—19.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 337.

²⁴ «О партийной и советской печати». Сборник документов. М., 1954, стр. 345, 347.

Такое толкование лозунга «за гегемонию пролетарской литературы» отвечало убеждениям Гладкова. В своем отклике на постановление ЦК партии он, в частности, писал: «Право на гегемонию пролетарская литература должна заработать... Нельзя это право отвоевывать сейчас, несмотря на «массовое движение пролетписателей», когда нет в руках главного оружия — больших художественных достижений»²⁵ (подчеркнуто нами.— Д. Ч.). Нетрудно заметить, что Гладков здесь полемизирует с сектантским пониманием лозунга «за гегемонию пролетарской литературы» напостовцами.

Дело в том, что некоторые руководители РАПП пытались перенести в область художественной литературы методы политической борьбы, не понимая, что руководство искусством, литературой, ввиду их особой специфики, требует другого подхода. Гегемонию пролетарской литературы они мыслили как «захват власти», как задачу, осуществить которую можно сочинением платформ, административными мерами, непомерным увеличением числа членов организации.

Гладков, как и «Кузница» в целом, исходил из убеждения, что гегемония пролетарской литературы — это в первую очередь задача творческая, поэтому и достигнута она может быть только напряженной творческой работой, творческими достижениями пролетарских писателей. Отсюда постоянное подчеркивание важности мастерства как одного из главных условий достижения цели. В «Наказе делегату «Кузницы», входящему в комиссию по вопросам пролетарской литературы при Политбюро ЦК РКП(б)», подписанном Ф. Гладковым, В. Бахметьевым, Г. Якубовским и Н. Ляшко, «Кузница» обращала внимание на тот вред, который могут принести делу пролетарской литературы лозунги, вроде «хоть сопливенький, но свой», «коль ты от станка, так все можешь» и др., очень популярные среди рапповцев. Таким, явно пролеткультовским лозунгам «кузницы» противопоставляли другие: «признание пролетарской литературы не добывается декларациями, оно — зарабатывается», «отрыв от производства должен быть оправдан качеством художественной продукции»²⁶. В этом отношении прозаики «Кузницы» следовали традиции поэтов «Кузницы», которые одними из первых заговорили о необходимости для пролетарских писателей овладеть навыками художественного мастерства.

Считая творческие достижения главным, определяющим моментом развития пролетарской литературы, Гладков по-иному, чем рапповцы, понимал и проблему подбора и воспитания молодых кадров литературы, принципы строения писательских организаций. Об этом свидетельствуют обнаруженные нами письма Гладкова в отдел печати

²⁵ «Журналист», 1925, № 10, стр. 9.

²⁶ «Рабочий журнал», 1925, № 3, стр. 162.

ЦК РКП(б)²⁷, относящиеся к 1927 году. В них писатель говорит о ненормальном положении дел в ВАПП, вызванном стремлением ее руководителей во что бы то ни стало максимально расширить объединение, подчеркивает, что «заработать гегемонию можно путем не численного роста, а роста качественного», ибо «пролетарская литература может успешно конкурировать с буржуазной и мелкобуржуазной литературой только в том случае, если она будет давать по меньшей мере равнокачественные художественные ценности».

Возражает Гладков и против чересчур широкого вовлечения рабкорских масс в ВАПП, организацию, называющую себя писательской. С одной стороны, указывает Гладков, это приводит к непомерному «раздуванию писательских организаций», что мешает нормальной творческой работе, так как много писательских сил вынуждено заниматься организационными делами. С другой стороны, этим наносится большой вред многим молодым людям, слишком рано зачисленным в писатели. ВАПП, полагает Федор Васильевич, должна быть организацией писателей, в нее могут входить люди, которые уже как-то проявили себя на этом поприще. Гладков вовсе не отрицает целесообразности существования и рабкорских объединений, но они мыслятся им не как организации писательские, а только как резерв последних. Из них не оптом, не целыми списками, а осторожно и умело отбираются талантливые и крепкие силы, достойные влиться в писательские ряды. У ВАПП, считает Гладков, другие задачи, чем у рабкорских организаций, разграничение этих задач не только не принизит, а лишь укрепит политическую роль первой, поднимет ее авторитет.

Это убеждение Гладкова разделялось «Кузницей», которая всегда стояла за «самый строгий отбор дарований», считала, что «нельзя смешивать общекультурное движение в рабочем классе с движением пролетписателей»²⁸, говорила об установлении «более четких границ между рабкорским и писательским движением», тогда как напостовцы приравнивали рабкоров к писателям-профессионалам. Рапповскому стремлению к максимальному расширению организации «Кузница» противопоставляла лозунг «лучше меньше, да лучше», делая ставку на талант, а не на одно происхождение.

Справедливость критики организационных принципов ВАПП «Кузницей», Гладковым, оправданность их позитивных высказываний подтверждаются выступлениями некоторых членов ВАПП. Если в первой половине 20-х годов, кроме Дм. Фурманова, тогдашнего секретаря

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 234, л. 1, 2, 3.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 1638, оп. 1, ед. хр. 77, л. 22.

МАПП, мало кто из руководителей этой организации понимал важность строгого отбора талантов («из тысяч единицы»²⁹), то к концу 20-х — началу 30-х годов для многих рапповцев стало очевидным, что чрезмерное гостеприимство, погоня за количеством привели к неразрешимым противоречиям, обернулась нежелательной стороной — безразличием к таланту, к творческому росту членов. Именно на это в 1931 году обращал внимание ЦК Панферов в своем письме, подчеркивая, что только по крупным художественным произведениям, о создании которых совсем не заботятся в РАПП, и «можно судить о действительной ценности той или иной творческой группировки»³⁰. «Назначение пролетписателя — творчество», считал Серафимович. Но в начале 30-х годов он тоже вынужден был констатировать, что с молодыми своими членами в РАПП «шумно носятся, когда надо сделать парад, и совершенно забрасывают, когда нужна повседневная кропотливая работа»³¹. Анна Караваева, вспоминая ту пору, позднее писала: «...чем дальше шло время, тем сильнее укреплялось во мне убеждение, что множество совещаний и заседаний, в которых мне довелось участвовать, оставляют впечатление нескончаемых рассуждений по организационным вопросам»³².

Говоря о полемике Gladkova с рапповским пониманием путей укрепления пролетарской литературы, уместно коснуться его отношения к Воронскому, так как здесь одно дополняет другое.

В архиве Gladkova есть несколько документов, в которых в той или иной связи упоминается имя редактора «Красной нови». Суждения Gladkova о Воронском, как явствует из этих документов, были лишены той прямолинейности, которой грешили напостовцы, не желавшие замечать положительное в работе и выступлениях этого критика и редактора самого крупного художественного журнала 20-х годов.

В письме Gladkova к Полонскому от 1925 года читаем: «...Моя позиция была особая: ни Воронский, ни тем более напостовцы ни в коей мере удовлетворить меня не могли»³³. Как бы поясняя сказанное, Gladkov пишет дальше: «А. К. для меня ближе, чем, скажем, тов. Левлевич с Вардиным, но тов. Воронский слишком опрометчиво и односторонне подходит к оценке литературных явлений современности (чем грешили и Вы, хотя в меньшей степени): я говорю о том, что напостовцы называют «капитулянством». Его грех в том, что он облыжно и предвзято обесценивал способность так называемых пролетписателей

²⁹ Фурманов в воспоминаниях современников. М., 1959, стр. 234.

³⁰ А. Исбах. На литературных баррикадах. М., 1964, стр. 199.

³¹ Там же, стр. 36.

³² А. Караваева. Свет вчерашний. М., 1964, стр. 182.

³³ ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 88, л. 2.

к самостоятельному творчеству, способность их дать не менее значительные вещи, чем так называемые «попутчики»...»³⁴.

Беглые упоминания о Воронском в письмах к Горькому словно оттеняют приведенные отрывки из письма Полонскому.

Так, в 1926 году Гладков писал Горькому: «...напостовщина мне чужда, так же **чужд и Воронский, замкнувшийся в «круговской» оранжее**»³⁵ (подчеркнуто нами.— Д. Ч.). В другом письме Гладков признавался, что не отрицает его, т. е. Воронского, «больших заслуг перед русской литературой», однако не склонен закрывать глаза на «ошибки и грехи»³⁶ последнего.

Гладкову была чужда и неприемлема троцкистская теория Воронского о невозможности создания пролетарского искусства, его холодное, пренебрежительное отношение к пролетарским писателям, нежелание замечать некоторые бесспорные их успехи. Не разделяя точки зрения Воронского на перспективу развития пролетарской литературы, не принимая ориентации последнего на попутчиков, с успехами которых тот связывал расцвет советской литературы, Гладков, однако, не отрицал огромных заслуг редактора «Красной нови» перед литературой. Воронский — активный организатор молодой литературы, умелый собиратель ярких талантов, прекрасный критик и редактор — все это не могло не импонировать Гладкову.

Если обратиться к документам «Кузницы», то увидим, что она подходила к оценке деятельности Воронского с тех же позиций, что и Гладков.

Так, 4 октября 1924 года, на совещании представителей «Кузницы» и «Перевала» при участии Якубовского, Бахметьева, Гладкова, Воронского и др., было принято постановление о предстоящей общемосковской конференции пролетарских писателей³⁷. В постановлении говорилось о необходимости требовать, чтобы конференция представляла только писательские, а не рабкорские группы, чтобы в ней приняли участие от рабочих литературных кружков только те их представители, которые проявили себя в художественном творчестве, а в оргкомиссию по подготовке конференции вошли представители МАПП, «Кузницы», «Перевала» и писателей-коммунистов, не являющихся членами какого-либо объединения.

Напостовцами эти шаги «Кузницы» были истолкованы как дезорганизаторские, направленные «против всей пролетарской литературы»³⁸.

³⁴ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 210, л. 3—4.

³⁵ «Литературное наследство», т. 70, стр. 73.

³⁶ Там же, стр. 90.

³⁷ С. Родов. В литературных боях. М., 1926, стр. 313.

³⁸ Там же, стр. 312, 313.

На самом же деле, постановление это, думается, было направлено не против пролетарской литературы вообще, а только против напостовского расширительного понимания литературных объединений, против их установки на массовость в ущерб интересам творческим, которые «Кузница» и Воронский считали основополагающими в деле организации литературы.

Подтверждение этому находим и в документах «Кузницы». 16-го ноября 1924 года один из ее руководителей Г. Якубовский в докладе «Кузница» и ее позиция на литературном фронте» указывал, что «Кузница» по отношению к линии Воронского «признает его как практика и организатора литературы и ставку его на художника и художественное творчество, идущую в ногу с революцией, считает правильной»³⁹. Далее констатировалось, что «Кузница» постоянно отмечала недопустимые ошибки Воронского «по отношению к пролетарским писателям и их творчеству»⁴⁰.

Естественно поэтому, что Гладков и другие «кузнецы» не разделяли точку зрения Воронского на писателей-попутчиков. В этой связи следует еще раз коснуться уже упоминавшегося «Наказа делегату «Кузницы», седьмой и восьмой пункты которого были посвящены вопросу о «попутчиках». «Кузница» «протестовала и будет протестовать,— говорится здесь,— против неразумного, ничем не вызываемого чрезмерного внимания к так называемым спецам от литературы (А. Толстой, Эренбург и т. п.) и старой интеллигенции (Пильняк, Никитин, Шкловский и т. д.), значение которых преувеличивается вследствие недостаточного знакомства с продукцией пролетписателей». И дальше: «Кузница» считает своевременным установить в мире советской литературы следующее положение: в центре — пролетарский писатель (как идеолог рабочего класса), вокруг — попутчики, последыши, выкидыши и т. д. и т. п., а не обратное, как делает Воронский»⁴¹ (подчеркнуто нами.— Д. Ч.).

Первое, что здесь бросается в глаза — чрезмерная резкость, прямолинейность формулировок. Однако следует иметь в виду, что обусловлено это не чем иным, как соображениями полемики с Воронским. Стоит сопоставить вышеприведенный отрывок из документа «Кузницы» с одним тезисом из статьи Воронского 1924 года «О текущем моменте и задачах РКП в художественной литературе», как справедливость такого предположения становится очевидной: **«В центре литературной жизни стояли и стоят «попутчики». И с количественной, и с качественной стороны попутническая литература была и есть наиболее силь-**

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 1638, оп. 1, ед. хр. 26, л. 33.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Рабочий журнал», 1925, № 3, стр. 162.

ная»⁴² (подчеркнуто нами.—Д. Ч.),—читаем в этой статье. Позиция Воронского по отношению к положению дел на литературном фронте 20-х годов здесь выражена довольно ясно и определенно. Односторонность и предвзятость ее налицо — это и явное преувеличение значения некоторых попутчиков, нежелание замечать их грубые идеологические ошибки, и недооценка таких пролетарских писателей, как Фурманов, Серафимович, творчество которых знаменовало новый этап в развитии советской литературы, и пренебрежительное отношение к ним. Поэтому, если отбросить некоторую запальчивость тона, полемическую направленность «Наказа делегату «Кузницы», среди прочих подписанного и Гладковым, то остается признать, что здесь содержится доля объективной истины. Ведь в самом деле, и Булгаков, и А. Толстой, и многие другие так называемые попутчики в ту пору были еще далеки от пролетарской идеологии, находились в процессе постижения всей сложности происходящего, в то время как пролетарские писатели сразу и безоговорочно встали на сторону революции и новой действительности.

Подобно Серафимовичу, Фурманову, Гладков умел смотреть на литературные явления эпохи шире, оценивать многие факты с точки зрения интересов всей литературы.

Он видел и понимал, какой вред литературе наносит борьба литературных группировок, постоянные наскоки одних на другие, претензии отдельных объединений на право верховного командующего или даже партии в литературных делах. Вместе с другими руководителями «Кузницы» Гладков высказывался за невозможность «предоставить руководство литературной жизнью какой-либо литературной организации», ибо считал, что «общее руководство художественной литературой должно обеспечиваться пристальным вниманием партии»⁴³. Здесь, думается, уместно заметить, что в то время, когда РАПП делала вид, будто резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» и не было, а некоторые руководители, как Лелевич, отнеслись к ней с явным раздражением⁴⁴, Гладков принял ее как руководство для дальнейшей работы по организации литературной жизни.

Это и понятно, ибо Гладкову, как об этом говорят некоторые его письма, печатные выступления, глубоко чужда была та атмосфера, в которой приходилось работать более 10 лет. В одном из писем к Г. К. Орджоникидзе Гладков признавался: **«Мне отвратителен и ненавистен всякий групповизм, всякая кружковщина, всякая фракционность: это ослабляет и дробит наши силы, это ограничивает людей**

⁴² Цит. по кн. Л. А. Кишинской. «Борьба за теоретические основы советской литературной критики (1917—1932)». Свердловск, 1967, стр. 71.

⁴³ «Рабочий журнал», 1925, № 3, стр. 161.

⁴⁴ Черников. Новое о Фурманове. Саратов, 1965, стр. 111—112.

в узких рамках шайки, подменяет большие задачи партийной жизни маленькими интересиками и политиканством»⁴⁵ (подчеркнуто нами.— Д. Ч.).

Существующие литературные группировки представляются Гладкову «анахронизмом»⁴⁶, и он, подобно Маяковскому, решительно заявлявшему, что «пора бросить нелепейшую и бессмысленную игру в организации и направления, в которую выродилась литературная действительность»⁴⁷, в письме Полонскому высказывал мысль, что они «пережили рамки существующих литературных группировок, как пережили рамки военного коммунизма»⁴⁸. Вывод этот вытекал из понимания писателями консервативности и реакционности многого из того, что было характерно как для Лефа, так и для РАПП, «Кузницы». Не случайно Гладков в письме Серафимовичу от 5 октября 1925 года признавался, что «к работе в группах не тянет»⁴⁹. Об этом настроении Гладкова можно судить и по записи Фурманова в дневнике, касающейся его выступления о родовщине на фракции МАПП 5 мая 1925 года. Вернувшись поздно ночью домой, Фурманов заносит в дневник свои раздумья о схватке с напостовцами: «...Поздно. Перерыв. Продолжение в субботу, то есть через три дня. Для нас это хуже, чем для них, ибо они организованней и явятся все, да наташат и тех, кто не был сегодня, а у нас попробуй-ка затащить какого-нибудь Федю Гладкова, которому все настолько осточертело, что «все, говорит, брошу, стану только писать, а заседать больше не приду!»⁵⁰

В трех документах, относящихся к 1925 году — в отклике на постановление ЦК РКП(б), в упомянутых выше письмах Серафимовичу и Полонскому — Гладков сформулировал свое понимание принципов партийного документа применительно к тем тенденциям, которые ярко определились в литературной жизни к 1925 году и которых нельзя было не заметить, если смотреть не с позиции групповщины.

Главным, объединяющим многие выступления Гладкова 20-х годов, является мысль о советской литературе как едином потоке, вобравшем в себя разные ручьи и ручейки. «Я считаю нашу советскую литературу (т. е. поую сторону баррикад) **единой** (подчеркнуто Гладковым.— Д. Ч.), отрицаю внутри ее классовую борьбу. Отрицаю ставку только на пролетлитературу и только на «попутчиков». Ставка одна — на советскую революционную литературу, внутри которой происходит напряженная, упорная, молекулярная работа» (подчеркнуто нами.—

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 208.

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 210, л. 3.

⁴⁷ А. Метченко. Маяковский. М., 1964, стр. 323.

⁴⁸ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 210, л. 3.

⁴⁹ «Огонек», 1963, № 25, стр. 25.

⁵⁰ Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, М., 1961, стр. 357.

Д. Ч.), — читаем в письме к Серафимовичу. Основу литературной жизни, по мнению Гладкова, должна составлять не «гражданская война» одних групп с другими, а «сотрудничество, соревнование и обмен художественным опытом»⁵¹, «дифференциация по признаку направленных особенностей»⁵².

Обращает на себя внимание тот факт, что Гладков говорит о «советской революционной литературе», не противопоставляя пролетарской и попутнической. А ведь в ту пору хватало одного упоминания слов «советская литература», чтоб в глазах напостовцев стать «капитулянтом», «врагом пролетарской литературы». Достаточно вспомнить, что Семен Родов в статье «Покушение с негодными средствами», появившейся вскоре после постановления ЦК и написанной в характерном напостовском духе, продемонстрировал полное непонимание, а вернее сказать, нежелание понять направление важнейшего партийного документа, продолжая размахивать напостовской дубинкой по отношению к попутчикам и «кузнецам», которые, якобы, недооценивают сил противника, т. е. попутчиков⁵³.

Сложность, противоречивость положения Гладкова в литературной борьбе 20-х годов заключалась в том, что он, глубоко веря в то, что главное оружие писателя в борьбе за новую литературу — творчество, вынужден был много сил и времени тратить на нескончаемые споры по всякого рода организационным вопросам, на составление деклараций, платформ. Кроме того, писатель, мысливший советскую литературу единой, страстно желавший этого единства, в силу обстоятельств выступал на стороне одной из группировок, не свободной от «заскоков и завихрений», групповщины, недоверия друг к другу.

Положение Гладкова как одного из руководителей «Кузницы» порой давало себя знать в отдельных его выступлениях. Однако, помня это, нельзя забывать, что Гладков всегда тяготился групповыми оковами. «Оставьте групповое сектанство!»⁵⁴ — так он озаглавил одну свою статью, обращенную к тогдашней критике. Гладков, как рассказывает В. Красильников, в 1925 г. часто встречавшийся с ним в редакции «Нового мира», умел «стать выше своих личных и групповых симпатий и антипатий», «презреть» групповые пристрастия, столь сильно сказывавшиеся в тогдашней литературной жизни»⁵⁵. Примечательно, что это пренебрежение Гладкова к групповым преградам отмечали даже некоторые из руководителей РАПП⁵⁶.

⁵¹ «Журналист», 1925, № 10, стр. 8.

⁵² ЦГАЛИ, 1052, 5, 210, л. 6.

⁵³ «Октябрь», 1925, № 8, стр. 103.

⁵⁴ «Журналист», 1926, № 4, стр. 21, 22.

⁵⁵ Ф. Гладков. Воспоминания современников, стр. 164.

⁵⁶ Ю. Либединский. Современники, стр. 210.

Пониманием вреда, наносимого делу литературы групповщиной, стремлением как-то выйти из этого противоречивого положения и можно объяснить горячую поддержку Gladkovым слияния «Кузницы» с МАПП, а потом с РАПП.

Вспоминая переговоры середины 20-х годов, которые велись на основе признания «общности идеологической платформы»⁵⁷ обеих групп в целях нормализации положения на литературном фронте, Gladkov на конференции ВОПП «Кузница» в 1929 г. отметил, что он «был одним из сторонников этого объединения»⁵⁸.

Союз «Кузницы» и МАПП оказался кратковременным. В мае 1925 г. первая, получив согласие отдела печати ЦК РКП(б), заявила о своем выходе из МАПП⁵⁹. Причиной этого явились в значительной мере сектантские действия напостовцев, их попытки навязать «Кузнице» свою линию. Правда, Gladkov и после этого избирают в руководящие органы ВАПП, что и вызвало появление в «Известиях» письма, в котором он заявил, что не состоит членом ни МАПП, ни ВАПП, не принимает участия в работе их органов⁶⁰.

Ничего не вышло и из предполагавшегося сотрудничества Gladkov в «Октябре», в редколлегия которого он был введен в январе 1925 г. По выходе первого номера журнала Gladkov направляет письма в редакцию «Рабочего журнала», органа «Кузницы», и в правление ВАПП⁶¹, заявляя о своем выходе из редколлегии «Октября». Это мотивируется несогласием как с художественным, так и с критико-публицистическим материалом номера. Gladkov указывает, в частности, что он не разделяет «некоторые положения статьи т. Зонина». В самом деле, статья «Гнилой удар» была выдержана в традиционном напостовском грубом тоне. Автор отстаивал неизменные напостовские позиции, защищал тезис о «захвате власти», право размахивать увесистой напостовской дубинкой как самым надежным оружием воспитания попутчиков. Подобные взгляды, как можно понять из сказанного выше, были чужды Gladkovу, не отвечали его пониманию основных проблем литературной жизни.

В конце 20-х годов, когда партией опять был выдвинут лозунг консолидации сил на литературном фронте, «Кузница» начала переговоры с РАПП. Именно в это время, в октябре 1930 г., в «Кузнице» произошел раскол. Группа во главе с И. Жигой, настаивавшая на откладывании объединения с РАПП, заявила о своем выходе из «Кузницы»

⁵⁷ ИМЛИ, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 2.

⁵⁸ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 151, л. 2.

⁵⁹ Ф. Gladkov. Воспоминания современников, стр. 135; Черников. Новое о Фурманове. Саратов, 1966, стр. 111; ИМЛИ, ф. 54, оп. 1, ед. хр. 32.

⁶⁰ «Известия», 4 мая 1927 г.

⁶¹ «Рабочий журнал», 1925, № 3, стр. 163; ИМЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 13.

и организовалась в «Молодую кузницу». Теперь обе группы отдельно ведут переговоры с РАПП. Как и в 1924—1925 гг., так и теперь Гладков уже с самого начала переговоров выступает за скорейшее решение вопроса. 24 сентября 1930 года он направляет в президиум «Кузницы» письмо, в котором заявляет, что неуклонно стоит «на позиции максимальной консолидации сил пролетарской литературы». «Партия требует от нас чрезвычайного сплочения наших сил,— пишет Гладков,— и мы обязаны учитывать это обстоятельство с особой чуткостью»⁶². Видя, что переговоры обеих сторон слишком затянулись, Гладков, как явствует из стенограммы заседания фракции секретариата РАПП от 4 января 1931 года, опять высказывается против споров обеих групп по второстепенным вопросам и предлагает «прямо решить, что «Кузница» входит в РАПП»⁶³. Убедившись, что и «Кузница», и РАПП не в силах в ближайшее время перешагнуть преграды, которые городили на протяжении существования обеих группировок, он решает пренебречь всеми субъективными и групповыми симпатиями и антипатиями и обращается с письмом в секретариат РАПП. «Отмежевываясь от обоих крыльев «Кузницы»,— читаем в этом письме,— не способных к открытым, нелицемерным, безбоязненным действиям на пути полной консолидации сил пролетарской литературы, я заявляю о своем желании немедленно вступить в ряды РАПП»⁶⁴.

Этот шаг Гладкова, однако, не означал исчезновения всяких трений между ним и руководством РАПП. Ведь Гладков вступал в РАПП потому, что к этому призывала партия, этого требовали интересы литературы, которые он ставил превыше всего. Что касается его отношения к руководителям РАПП, то оно не изменилось, как не изменились и методы работы руководителей самой массовой организации пролетарских писателей⁶⁵.

Вступление в РАПП не означало и перехода Гладкова на сторону рапповских теоретиков в вопросах, непосредственно связанных с активно обсуждавшейся в конце 20-х — начале 30-х годов проблемой творческого метода советской литературы. Здесь Гладков остался верен тем принципам, которые он защищал, будучи членом «Кузницы». Так как последнее, т. е. вопрос о выступлениях Гладкова этого периода относительно путей дальнейшего развития советской литературы, тре-

⁶² ЦГАЛИ, ф. 1638, оп. 1, ед. хр. 124, л. 45.

⁶³ ИМЛИ, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 29, л. 5.

⁶⁴ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 233.

⁶⁵ Подробнее об этом см. в ст. А. Романовского «Партийное руководство литературой в период подготовки к первому съезду советских писателей» в кн. «О политике партии в области литературы и искусства», М., 1958. Здесь приводится письмо Гладкова Авербаху, очень характерное для понимания атмосферы, царившей в РАПП в период вступления в нее Гладкова.

бует специального анализа и выходит за рамки задачи, поставленной в данной статье, то мы ограничимся лишь указанием на то, что позиция «Кузницы» в дискуссии о творческом методе литературы во многом определялась Gladkovым, автором ее «Декларативных положений». В художественной платформе «Кузницы» нашли отражение те положения, которые неоднократно высказывались Gladkovым в письмах, докладах, статьях. Кроме того, здесь преломился опыт «Цемент», произведения, в некотором отношении перекликающегося с творчеством «Кузницы» первого периода.

Теперь, когда мы попытались показать, что позицию Gladkova в литературной борьбе 20-х годов нет основания противопоставлять линии «Кузницы» (речь шла в основном только об их позиции относительно организации литературной жизни), уместно вкратце коснуться другой грани этого вопроса.

Выступая против тенденциозной, односторонней точки зрения на место «Кузницы» в истории литературы, Gladkov, однако, не скрывал, что он «критически относился» к ней, «говорил о ее недостатках»⁶⁶. Что это действительно так, подтверждают документы 20-х — начала 30-х годов. Так, в письме Серафимовичу от 5 октября 1925 г. Gladkov писал, что «к работе в группах не тянет», что «осточертела» «канительная «Кузница»⁶⁷. В 1929 году в своем выступлении на конференции ВОПП «Кузница» Gladkov признался: «Я сам очень критически отношусь к «Кузнице», к ее работе, к ее недостаточной активности...»⁶⁸. В письме Авербаху от 28 сентября 1931 г. опять читаем: «В «Кузнице» мне было душно и тошно»⁶⁹. Ярким выражением этого настроения Gladkova была и горячая поддержка им идеи консолидации литературных сил.

Неудовлетворенность «Кузницей» нашла свое выражение и в обнаруженном нами заявлении Gladkova от 1929 г. в Совет ВОПП «Кузницы», озаглавленном «Условия, при которых я считаю для себя возможным пребывание в «Кузнице» и мое участие в ее работах»⁷⁰. Gladkov пишет, что он недоволен и состоянием дел в группе, и работой ее журнала. Свою дальнейшую связь с «Кузницей» он мыслит при условии, если будут учтены его требования к работе группы и журнала.

Gladkov настаивает на укреплении критического отдела журнала, привлечении к работе в нем критиков-марксистов из РАНИОНА, а также на установлении постоянной связи с лучшими писателями, «без раз-

⁶⁶ Федор Gladkov. Воспоминания современников, стр. 143.

⁶⁷ «Огонек», 1963, № 25, стр. 25.

⁶⁸ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 151, л. 12.

⁶⁹ ИМЛИ, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 15, л. 9.

⁷⁰ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 518.

личия группировок, привлекая как можно ближе левых попутчиков». В заявлении обращается внимание на необходимость «повысить требования к художественной литературе», печатаемой на страницах журнала.

Далее предлагается провести чистку «Кузницы» с точки зрения литературной квалификации членов и политического их лица, свести до минимума организационные вопросы, больше внимания уделяя творчеству, разработке ясного теоретического фундамента группы. В теперешних условиях, считает Гладков, «Кузница» важнейшей своей задачей должна ставить участие в осмыслении принципов творческого метода. Подчеркивая ориентацию на новаторство, Гладков предостерегает от необдуманных лозунгов, какими грешили и грешат некоторые литературы и объединения.

Это заявление обсуждалось руководством «Кузницы», критические замечания были приняты во внимание. Сейчас трудно сказать, в какой мере «Кузнице» удалось учесть их в дальнейшей работе, но факт тот, что Гладков, перестав числиться членом редколлегии «Пролетарского авангарда», остался в группе до 1931 года, т. е. до вступления в РАПП.

Для понимания позиции Гладкова в литературной борьбе 20-х годов уместно привести одно его высказывание из выступления на Первом пленуме Оргкомитета Союза писателей в 1932 году. «Групповизм рождается тогда, — говорил Гладков, — когда возникает монополистическая группа, руководящая литературой. Такой монополистической группой являлась налитпостовская группа. Эта монополизация руководства, эта монополизация в области творческих установок, повела к созданию и других группировок, которые, в свою очередь, неизбежно возникли или в силу самозащиты, или для сохранения творческого содружества»⁷¹ (подчеркнуто нами. — Д. Ч.).

Вот это, т. е. потребность в самозащите от наскоков рапповцев, необходимость отстаивать свою художественную платформу, ведя одновременно критику ошибочных лозунгов РАПП, выдаваемых ее вождями за «столбовую дорожку пролетарской литературы», наверно, и было тем главным, ради чего Гладков продолжал не только числиться в «Кузнице», но и выступать от ее имени.

РАПП не оправдала тех надежд, которые возлагались на неё партией, призывавшей к консолидации литературных сил. Только постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» наконец уничтожило ту основу,

⁷¹ Советская литература на новом этапе. — Стенограмма первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 года), М., 1933, стр. 142.

которая порождала «групповизм», приводила «к крайней замкнутости»⁷². Естественно поэтому, что этот партийный документ Гладков встретил с меньшей радостью, чем постановление ЦК РКП(б) 1925 года, ибо он открывал путь к созданию той «атмосферы сотворчества», о которой так мечтали автор «Цемент» и многие другие советские писатели.

Март, 1969

Вильнюсский государственный университет им. В. Касюкаса

F. GLADKOV'S POZICIJOS ŠIO AMŽIAUS TREČIOJO DEŠIMTMEČIO LITERATŪRINĖJE KOVOJE KLAUSIMU

D. ČEPELYTĖ

Re z i u m ė

Straipsnyje „F. Gladkovo pozicijos šio amžiaus trečiojo dešimtmečio literatūrinėje kovoje klausimu“ kalbama apie vieno iš tarybinės literatūros pradininkų ryšį su seniausią proletarinių rašytojų grupe „Kuznitsa“, apie jo polemiką su RAPP įvairiais literatūrinio gyvenimo klausimais. Straipsnyje parodoma, kad Gladkovo pozicija dažniausiai sutapo su „Kuznicos“ pozicija, ir todėl neteisinga vieną priešpastatyti kitai.

CONCERNING F. GLADKOV'S STAND IN THE LITERARY STRUGGLE OF THE TWENTIES

D. ČEPELYTĖ

S u m m a r y

The essay „Concerning F. Gladkov's stand in the literary struggle of the twenties“ deals with F. Gladkov's bonds with „Kuznitsa“ (the oldest circle of proletarian writers) and with his arguments with RAPP on important literary questions. The author proves that F. Gladkov saw eye to eye with „Kuznitsa“ and that's why it is wrong to contrast them.

⁷² Советская литература на новом этапе.— Стенограмма первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 года), М., 1933, стр. 142.